

Means of creating the character's image as the subject of comparative analysis

The article deals with the means of portraying the image of a character compared through the prism of content aspects and linguistic devices of various levels. The analysis is based on the empiric material of the novel by a modern English writer Rosamunde Pilcher "The Shell Seekers" in the original version and Russian translation.

Key words: *character, linguopoetic devices, content aspect, original version, translation.*

(Статья поступила в редакцию 19.02.2016)

О.Г. ПЛЕХОВА
(Санкт-Петербург)

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Исследуется компонентная структура исторического дискурса в парадигме институционального дискурса. Исторический дискурс понимается как самостоятельная разновидность, обладающая специфическими чертами. Рассматриваются такие прагматиколингвистические характеристики исторического дискурса, как особенности коммуникативной ситуации, участники коммуникации и их цели, стратегии.

Ключевые слова: *дискурс, исторический дискурс, институциональный дискурс, типологические характеристики исторического дискурса, коммуникативные стратегии, дискурсивные формулы.*

В настоящее время дискурс понимается как одно из основополагающих понятий современной науки. Соответствующий термин широко используется в различных областях знания – философии, лингвистике, стилистике, литературоведении, социологии, психологии, этнографии и др. Такая востребованность данного понятия обуславливает разноплановое понимание термина «дискурс», некоторые исследователи говорят о размытости его границ даже в рамках одной научной дисциплины

[22, с. 117]. Сейчас отсутствует единое мнение о том, что такое дискурс и как его анализировать, т. к. каждый подход предполагает свои основания [10, с. 17]. Важной является мысль о том, что дискурс – это существенная составляющая социокультурного взаимодействия, к характерным чертам которого относятся интересы, цели и стили [8, с. 53]. Другими словами, дискурс есть особый способ общения и понимания окружающего мира, и наш способ общения, взаимодействия играет активную роль в создании и изменении окружающего мира [10, с. 18].

Под дискурсом можно понимать совокупность письменных и устных текстов, которые производят люди в разнообразных ежедневных практиках – таких как социальное взаимодействие, административная деятельность, экономика, СМИ, реклама, научная и учебная деятельность и др.

Исследование дискурса своими корнями уходит в глубокую древность, к работам по риторике Аристотеля, диалогам Платона. Процессуальная сторона дискурсивной деятельности отражена в противопоставлении Фомой Аквинским интуитивного знания дискурсивному, предполагающему движение мысли от одного объекта к другому. Эти идеи получили дальнейшее развитие в философии XVII–XVIII вв. в работах Декарта, Спинозы, Лейбница, Локка, Гоббса. В немецкой философии эпохи Просвещения вопросам дискурсивного мышления посвящены работы Канта и Гегеля. Противопоставление дискурсивного, процессуального мышления интуитивному сохранилось в философии до XX в. Важно, что поступательное развитие философской мысли послужило общенаучной базой для развития представлений о дискурсе как сложной речемыслительной деятельности в науке XX–XXI вв.

Само понятие «дискурс», как принято считать, было введено в 50-х гг. XX в. З. Харрисоном, чье имя ассоциируется с трансформационным и дистрибутивным анализом. Хотя современные гуманитарные науки развиваются в едином русле когнитивно-дискурсивной парадигмы [5, с. 38], термин «дискурс» используется в различных значениях.

Т.А. ван Дейк, которому принадлежит приоритет в рассмотрении дискурса в современном языкознании, понимает дискурс как способ актуализации текста в определенных прагматических условиях, как «сложное един-

ство языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [25, с. 331]. Понимание взаимосвязи дискурса и текста привело к возникновению ставшей хрестоматийной трактовки дискурса как «текста, погруженного в жизнь» [1, с. 136–137]. Опираясь на представления Т.А. ван Дейка, В.В. Петров и Ю.Н. Караулов предлагают определение, согласно которому «дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [14, с. 8].

В современных лингвистических исследованиях термин «дискурс» понимается широко – как все, что говорится и пишется, как процесс и результат речепроизводства, как связанная последовательность языковых единиц, создаваемая / созданная говорящим / пишущим для слушающего / читающего в определенное время в определенном месте с определенной целью [7, с. 13]. В.И. Карасик трактует дискурс как «текст, погруженный в ситуацию общения, или наоборот – общение посредством текста» [12, с. 276–277].

Из вышесказанного видно, что дискурс представляет собой сложное и многогранное явление, охватывающее и пронизывающее различные сферы деятельности человека как представителя какого-либо сообщества. Согласно Дж. Суэйлзу, сообщество включает в себя дискурс, а дискурс включает в себя сообщество («community involves discourse and discourse involves community») [28, с. 21–22]. Сообщество может быть охарактеризовано как дискурсивное сообщество при наличии следующих характеристик:

- 1) дискурсивное сообщество имеет широкий спектр общих социальных целей;
- 2) для сообщества характерна коммуникация между членами сообщества (встречи, беседы);
- 3) дискурсивное сообщество должно иметь внешние связи – представлять информацию вовне и получать ответную реакцию на нее, т. е. оно использует механизмы коммуникации в основном для передачи информации;
- 4) дискурсивное сообщество использует один жанр или более в коммуникативном приближении к своим целям;
- 5) помимо жанра, оно должно оперировать специфической лексикой;
- 6) дискурсивное сообщество содержит минимальный процент дискурсивно и содержа-

тельно компетентных членов, отвечающих его требованиям [28].

В современной лингвистике представлено много исследований, посвященных типам дискурса. В.И. Карасик выделяет три основных подхода к типологии дискурса – социолингвистический (кто говорит), прагмалингвистический (как говорят), тематический (о чем идет речь) [12, с. 276–277].

В социолингвистике дискурс подразделяется на личностно и статусно-ориентированный. Личностно ориентированный дискурс, в свою очередь, делится на бытовой и бытийный, статусно-ориентированный – на институциональный и неинституциональный [Там же, с. 319–320]. Институциональный дискурс обязывает рассказчика представлять некоторый социальный институт. Разновидностями институционального дискурса являются политический, военный, медицинский, педагогический и др.

В данной статье мы бы хотели рассмотреть такую типологическую разновидность дискурса, как исторический дискурс, который с позиций типологии, предложенной Дж. Суэйлзом, обнаруживает следующие черты:

- 1) социальные цели – поиск «исторической истины», формирование нового знания в научном сообществе, передача исторического знания в академическом сообществе. Помимо вышеперечисленного, анализ исторических событий, оценка роли личности в истории, оценка роли государства в мировой истории помогают сформировать мировоззрение личности, ее систему ценностей, гражданскую идентичность;
- 2) формы коммуникации в научном сообществе – конференции, семинары, круглые столы и др. В академической среде коммуникация представлена такими формами, как лекция, семинар, коллоквиум, различные виды урока и др.;
- 3) формами внешних связей, предоставления и передачи информации являются научная, научно-публицистическая, учебная литература;
- 4) жанры исторического дискурса представлены устными и письменными формами, включающими монографию, учебник, статью, сообщение, доклад, выступление информационно-оценочного характера в СМИ, лекцию, семинар и др.;
- 5) к специфической лексике исторического дискурса можно отнести дискурсивные формулы, характерные для данного дискурса;
- 6) к числу дискурсивно и содержательно компетентных представителей исторического

сообщества относятся дипломированные специалисты – ученые, преподаватели, учителя истории.

Исторический дискурс выделяют и рассматривают такие исследователи, как Р. Барт [2], А.В. Лубский [16], А.П. Миньяр-Белоручева [17], Е.М. Мусаева [18] и др. Е.М. Мусаева определяет исторический дискурс как «процесс смыслообразования, основанный на переработке, интерпретации и анализе информации, полученной из первоисточников и направленной на выявление закономерностей исторического развития общества с целью формирования определенной системы ценностей у национальной общности людей» [Там же, с. 26]. Опираясь на классификацию Т.А. ван Дейка, включающую в себя аргументативный, риторический и нарративный типы дискурса [24, с. 208], Е.М. Мусаева относит исторический дискурс к нарративному.

Опираясь на работы Д. Тоша [20], Р. Барта [2], А.В. Лубский понимает исторический дискурс как 1) вербально артикулированную форму объективации содержания сознания, регулируемую доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности; 2) сложную совокупность языковых практик, участвующих в формировании представлений, навязываемых внешней по отношению к дискурсу предметностью в форме «власть/знание»; 3) воображаемую конструкцию, которая не следует реальности, а всего лишь обозначает ее [16, с. 93–95]. А.В. Лубский считает, что исторический дискурс соотносится с рефлексивной коммуникацией в рамках статусно-ролевых отношений как в исторической науке, так и в обществе в целом, и поэтому полагает, что по своей природе исторический дискурс является институциональным.

На наш взгляд, принадлежность исторического дискурса к институциональному определяется его типологическими характеристиками, которые мы бы хотели рассмотреть подробно. Как и другие разновидности институционального дискурса, исторический дискурс характеризуется такими типологическими чертами, как **дискурсивные формулы** (своеобразные обороты речи, характерные для общения в соответствующем социальном институте и объединяющие всех представителей данного социума), **материал** (исторические события и их описание), **прецедентные тексты** (созданные ранее тексты, являющиеся своего рода образцом), **разновидности и жанры** (летопись, научная статья, монография, учебник и др.), **стратегии** (убеждения, аргу-

ментации и др.), **хронотоп** (место и время взаимодействия), **участники, их цели и ценности** [11, с. 29].

К коммуникативно-прагматическим характеристикам исторического дискурса относятся сфера коммуникации, цели коммуникации, тип коммуникантов (адресата и адресанта). В рамках исторического дискурса **сфера коммуникации** определяется, в первую очередь, взаимодействием представителей научного сообщества, в которое входят как специалисты-историки, так и представители смежных наук, например археологии, антропологии, этнографии, культурологии и др. Необходимо отметить, что в настоящее время вопросами истории интересуются не только ученые – попытки переосмысления событий прошлого предпринимаются политиками, СМИ, представителями других сообществ. Например, в настоящее время перед российскими научным и педагогическим сообществами стоит задача пересмотра, переоценки имеющихся учебных пособий по истории России и создания нового единого учебника [9].

Активное обсуждение вопросов истории широкими массами позволяет говорить об «историческом буме». Другими словами, наблюдается расширение сферы существования исторического дискурса: помимо традиционной сферы статусно-ориентированного общения, исторический дискурс активно проникает в сферу межличностного общения, переходя тем самым в личностно ориентированный дискурс.

Наши первые представления об истории, первые эмоции в детстве, согласно М. Ферро, остаются «неизгладимыми», и «узнавание прошлого становится для нас открытием мира, которое запечатлевается на всю жизнь. Именно на эти представления впоследствии накладываются все наши размышления и устойчивые понятия» [21, с. 7]. Другими словами, важно, что и как говорят об исторических событиях молодому поколению, т. к. сама форма описания «позволяет одновременно узнать и то, что общество думает о себе, и то, как с течением времени изменяется его положение» [Там же, с. 9]. Историческая картина мира, формирующаяся в детском возрасте, закладывает эмоциональную первооснову восприятия, на которую позже, в школе, накладываются уже системные представления об исторических событиях, изложенные в учебниках и учебных пособиях по истории.

Что касается участников общения – **адресата** и **адресанта** исторического дискурса, они могут быть представлены *равными по*

статусу коммуникантами – специалистами-историками. Продуктом их деятельности является новое знание, которое становится достоянием научного сообщества, затем всего общества в целом. В качестве отличительной черты коммуникативно-прагматической природы исторического дискурса можно отметить тот факт, что древние тексты нельзя квалифицировать как «речь, погруженную в жизнь» [1, с. 137], т. к. невозможно восстановить их связи с социальной ситуацией [19, с. 18]. Однако анализ, обсуждение, интерпретация исторических текстов отмечены тесной связью с современной ситуацией, «погруженностью в жизнь».

Цель коммуникации обусловлена спецификой деятельности **адресата и адресанта**. Вступая в коммуникацию, ее участники преследуют цель не только обменяться информацией, «выразить мысль, но также подействовать на других» [4], т. е. с помощью языка изменить систему представлений адресата. Целью взаимодействия специалистов-историков как представителей профессиональной среды являются поиск «исторической истины», формирование нового знания. Помимо научной деятельности, историки-исследователи часто занимаются преподавательской деятельностью, поэтому адресант профессиональной среды может совпадать с адресантом академической сферы. Адресатом в академической сфере исторического дискурса могут выступать студенты-историки и студенты других специальностей. Другими словами, участники коммуникации в академической среде – преподаватель и студент – *не являются равными по статусу*.

Независимо от своего статуса адресат и адресант, которые могут быть как индивидуальными (ученый, преподаватель, студент, учащийся), так и групповыми (авторский коллектив, представители научной школы, группа студентов / учащихся), являются участниками коммуникации, представителями одного дискурсивного сообщества. Взаимодействие «ученый – ученый» характеризует научный дискурс, а интеракция «преподаватель / учитель – студент / учащийся» характеризует академический/педагогический дискурс, при этом тематическая составляющая и другие характеристики позволяют говорить о пересечении и взаимодействии институциональной разновидности исторического дискурса с вышеупомянутыми типами дискурса.

С позиций лингвистики интересны не сами исторические события, не само прошлое

человечества, а речевые формы его описания, анализа, оценки, т. е. исследование исторического дискурса. Вышесказанное обуславливает интерес к таким дискурсивным компонентам, как жанр, стратегия, дискурсивные формулы исторического дискурса.

Являясь «относительно устойчивым тематическим композиционным и стилистическим типом высказывания» [3, с. 242], жанр находится в прямой зависимости от цели коммуникации. В. Бхатия понимает жанр как форму конвенционализированной структуры, отображающей опыт, накопленный членами дискурсивного сообщества и использующийся в выборе стратегий для достижения коммуникативных целей [23, с. 199].

Под коммуникативной стратегией понимается «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [15, с. 18]. В широком смысле коммуникативная стратегия понимается как сверхзадача речи, диктуемая практическими целями говорящего, – это «совокупность, единство коммуникативных и практических целей» [6, с. 49].

К коммуникативным стратегиям, характерным для исторического дискурса, можно отнести **стратегии речевого информирования и стратегии речевого воздействия**, среди которых можно выделить *аргументативную, манипулятивную и стратегию формирования оценки*. Как пример стратегии речевого информирования и воздействия рассмотрим стратегию формирования оценки на материале описания исторической личности: “By 1944 Stalin had become **a warlord of some confidence and ability. Rude and abusive** as he sometimes was to western visitor, he was **very much in control**. He kept in daily contact with all the fronts and impressed everyone with his **faultless memory and grasp of technicalities**. By the end of the war Stalin, **unlike his rival in Berlin, had learnt not to interfere with competent generals** like Zhukov. **Overall political control remained absolute** nonetheless.... His years in power had given Stalin **a presence and authority which more than made up for any intellectual deficiencies**” [27, с. 225].

В приведенном фрагменте **стратегия формирования оценки** на лексическом уровне выражается значительным количеством лексических единиц с общим значением «сила», «власть», «контроль». Сталин описывается автором как умелый военачальник, жесткий пра-

витель, которого отличали, с одной стороны, грубость и жестокость, тотальный политический контроль, с другой стороны, способность доверить ведение военных действий компетентным специалистам, что говорит о его дальновидности как главнокомандующего армией.

На синтаксическом уровне реализация данной стратегии подкрепляется парными однородными членами, направленными на усиление оценочной составляющей исторического портрета Сталина: *a warlord of some confidence and ability* (уверенный и способный), *rude and abusive* (грубый и резкий), *faultless memory and grasp of technicalities* (безупречная память и глубокое понимание деталей).

Дискурсивные формулы, объединяющие всех представителей исторического сообщества, типичные для описания исторических событий, закономерно предполагают связь с прошедшим временем, отражают последовательность событий и могут быть объединены в несколько групп. Рассмотрим ряд дискурсивных формул, характерных для исторического дискурса, на материале описания событий российской истории современными американскими авторами [26].

• **Хронологические** дискурсивные формулы:

In the early 19th century the Petrine reforms were debated heatedly by Slavophiles and Westemisers [Там же, с. 184].

During the 18th century many state peasants were given away by Russian rules to private individuals [Там же, с. 192].

The period between the reigns of Peter and Catherine the Great [17, с. 199].

• **Фазовые** дискурсивные формулы / дискурсивные формулы **периодизации событий / жизни исторической личности:**

Catherine's death in 1727 brought the boy emperor Peter II (1727–1730) to the throne [26, с. 20].

The brief reign of Paul (1796–1881) remains controversial and disputed [Там же, с. 243].

• Дискурсивные формулы **власти** (борьба за власть, смена власти и ее удержание), сближающие исторический дискурс с политическим:

The Naryshkins *displaced* the Miloslavskiis temporarily [Там же, с. 172].

Alexander I (1801–1825) *mounted the Russian throne* at the age of 23 [17, с. 247].

Nicolas I *ascended the throne* at the age of 29 [26, с. 281].

• **Оценочные** дискурсивные формулы:

Peter II, who *became a puppet* of the Dolgorukiis [Там же, с. 200].

Russia *played a vital role* in European power politics during the French Revolution and the Napoleonic era [Там же, с. 258].

General Kutuzov's *brilliant strategy* and generalship [Там же, с. 262].

Nicolas I was *narrow-minded* and *unimaginative* [Там же, с. 281].

• **Дискурсивные формулы ведения военных действий:**

Napoleon *invaded* Russia in 1812 [Там же, с. 262].

Plunging eastward, Napoleon met Kutuzov's forces at Borodino [Там же, с. 263].

• **Причинно-следственные** дискурсивные формулы:

Tsar Fedor's death in April 1682 caused a succession crisis [Там же, с. 172].

This costly Rus victory *resulted from* the wise decision of Dmitri "Donskoi" to attack the main Mongol army... [Там же, с. 91].

Важно отметить, что дискурсивные формулы как профессионально-маркированные лексические и фразеологические единицы и типичные для того или иного дискурса высказывания позволяют адресату диагностировать тип дискурса, актуализировать определенные ожидания, что позволяет лучше ориентироваться как в устном высказывании, так и в текстовом фрагменте.

Изучение исторического дискурса актуально не только в узком лингвистическом ключе, но и с точки зрения его прагматического потенциала, обусловленного его ролью в формировании представлений нации, общества, социума о самих себе, месте своего государства в мировой истории, восприятию его мировым сообществом в хронологической перспективе, определяющим и объясняющим современное положение и имидж государства на мировой арене. Вышесказанное определяет необходимость дальнейших разносторонних исследований исторического дискурса.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
2. Барт Р. Дискурс истории // Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 438–440.
3. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 237–281.
4. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М.: Соцэкгиз, 1937.

5. Гаврюшина Е.А. Взаимосвязь текста и дискурса в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 37–41.
6. Городецкий Б.Ю. От лингвистики языка к лингвистике общения // Язык и социальное познание. М.: Центр. совет филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. С. 39–56.
7. Гурочкина А.Г. Понятие дискурса в современном языкознании // Номинация и дискурс: межвуз. сб. науч. тр. Рязань: Изд-во РГПУ, 1999. С. 12–15.
8. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; под ред. В.И. Герасимова. М.: Ленанд, 2015.
9. История РФ: федеральный портал. URL: <http://histrf.ru/ru/uchenim/otkritoe-obsuzhdenie/post-105> (дата обращения: 25.10.15).
10. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Гуманит. центр, 2008.
11. Карасик В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 25–33.
12. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.
13. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
14. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / под ред. В.И. Герасимова; сост. В.В. Петрова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 5–12.
15. Клюев Е.В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия: учеб. пособие для ун-тов. М.: Рипол классик, 2002.
16. Лубский А.В. Дискурс исторический // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. С. 93–95.
17. Миньяр-Белоручева А.П. Роль концептуальных метафор в историческом дискурсе // Герценовские чтения. Иностранные языки: материалы Всероссийского межвуз. науч. конф. (14–15 мая, 2015). С. 11–13.
18. Мусаева Е.М. Когнитивный анализ способов метафорического представления концепта АМЕРИКАНСКАЯ НАЦИЯ в историческом нарративном дискурсе (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 1997.
19. Селезнева Л.В. Направления и подходы в теории дискурса // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: кол. монография / под ред. Г.Я. Солганика [и др.]. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. С. 94–102.
20. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь мир, 2000.
21. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Книж. клуб 36.6, 2014.
22. Хомутова Т.Н. Интегральная теория дискурса // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 115–121.
23. Bhatia V.K. Analyzing Genre: Language Use in Professional Settings. L.: House, 1993.
24. Dijk T.A. van. Discourse as structure and process. L.: Thousands Oak; New Delhi: Sage publication, 1997.
25. Dijk T.A. van. Studies in Pragmatics of Discourse. The Hague, 1981.
26. MacKenzie D., Curran M.W. A history of Russia, the Soviet Union, and beyond / 2002. 6th ed.
27. Neville P. A Traveller's History of Russia and the USSR / fifth edition fully revised and updated, Interlink Books. New York-Northampton, 2006.
28. Swales J.M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Glassgow: Cambridge University Press, 1990.
- * * *
1. Arutjunova N.D. Diskurs // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. M.: Sov. jencikl., 1990. S. 136–137.
2. Bart R. Diskurs istorii // Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury / per. s fr. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 2003. S. 438–440.
3. Bahtin M.M. Problema rechevyh zhanrov // Jestetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1986. S. 237–281.
4. Vandries Zh. Jazyk. Lingvisticheskoe vvedenie v istoriju. M.: Socjgiz, 1937.
5. Gavryushina E.A. Vzaimosvjaz' teksta i diskursa v ramkah kognitivno-diskursivnoj paradigmy // Magija INNO: novoe v issledovanii jazyka i metodike ego prepodavanija. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 37–41.
6. Gorodeckij B.Ju. Ot lingvistiki jazyka k lingvistike obshhenija // Jazyk i social'noe poznanie. M.: Centr. sovet filos. (metodol.) seminarov pri Prezidiume AN SSSR, 1990. S. 39–56.
7. Gurochkina A.G. Ponjatie diskursa v sovremennom jazykoznanii // Nominacija i diskurs: mezhvuz. sb. науч. тр. Rjazan': Izd-vo RGPU, 1999. S. 12–15.
8. Dejk T.A. van. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija / per. s angl.; pod red. V.I. Gerasimova. M.: Lenand, 2015.
9. Istorija RF: federal'nyj portal. URL: <http://histrf.ru/ru/uchenim/otkritoe-obsuzhdenie/post-105> (дата обращения: 25.10.15).
10. Jorgensen M.V., Fillips L.Dzh. Diskurs-analiz. Teorija i metod / per. s angl. 2-е изд., испр. Har'kov: Gumanit. centr, 2008.
11. Karasik V.I. Struktura institucional'nogo diskursa // Problemy rechevoj kommunikacii: mezhvuz. sb. науч. тр. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2000. S. 25–33.

12. Karasik V.I. Jazykovye kljuchi. M.: Gnozis, 2009.

13. Karasik V.I. Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. M.: Gnozis, 2004.

14. Karaulov Ju.N., Petrov V.V. Ot grammatiki teksta k kognitivnoj teorii diskursa // Dejk T.A. van. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija: per. s angl. / pod red. V.I. Gerasimova; sost. V.V. Petrova; vstup. st. Ju.N. Karaulova i V.V. Petrova. Izd. 2-e. M.: LENAND, 2015. S. 5–12.

15. Kljuev E.V. Rechevaja komunikacija: uspešnost' rechevogo vzaimodejstvija: ucheb. posobie dlja un-tov. M.: Ripol klassik, 2002.

16. Lubskij A.V. Diskurs istoričeskij // Teorija i metodologija istoričeskoj nauki: terminol. slovar'. M.: Akvilon, 2014. S. 93–95.

17. Min'jar-Beloručeva A.P. Rol' konceptual'nyh metafor v istoričeskom diskurse // Gercenovskie čtenija. Inostrannye jazyki: materialy Vseros. mezhd. vuz. nauch. konf. (14–15 maja, 2015. S. 11–13.

18. Musaeva E.M. Kognitivnyj analiz sposobov metaforičeskogo predstavlenija koncepta AMERIKANSKAJA NACIJA v istoričeskom narrativnom diskurse (na materiale anglijskogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. SPb., 1997.

19. Selezneva L.V. Napravlenija i podhody v teorii diskursa // Diskurs i stil': teoretičeskie i prikladnye aspekty: kol. monografija / pod red. G.Ja. Solganika [i dr.]. M.: FLINTA: Nauka, 2014. S. 94–102.

20. Tosh D. Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika. M.: Ves' mir, 2000.

21. Ferro M. Kak rasskazyvajut istoriju detjam v raznyh stranah mira. M.: Knizh. klub 36.6, 2014.

22. Homutova T.N. Integral'naja teorija diskursa // Magija INNO: novoe v issledovanii jazyka i metodike ego prepodavanija. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 115–121.

Historical discourse: institutional characteristics

The article deals with the component structure of the historical discourse in the paradigm of the institutional discourse. The historical discourse is regarded as an independent variety with specific features. The article covers such pragmalinguistic characteristics of the historical discourse as the features of communicative situation, communication participants and their aims, strategies characteristic for the historical discourse.

Key words: *typological characteristics of the historical discourse, communicative strategies, historicaldiscourse, discursive formulas, discourse, institutional discourse.*

(Статья поступила в редакцию 12.02.2016)

А.Н. ДОЛГЕНКО, М.С. КОСЫРЕВА
(Москва)

ГЛОБАЛИЗМЫ КАК ПРОБЛЕМА ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ И РУСИСТИКИ

Вводится термин «глобализм» для обозначения слов, сходных в фонетическом (и/или графическом) отношении и совпадающих по значению (полностью или частично) в глобальном и глобально значимых языках. Анализируется содержание понятия, обозначенного данным термином. Определяются проблемы и перспективы исследования глобализмов в русском языке.

Ключевые слова: глобальная коммуникация, интернациональная лексика в русском языке.

Термином «глобализмы» мы обозначаем слова, сходные в фонетическом (и/или графическом) отношении, совпадающие по значению (полностью или частично) в глобальном и глобально значимых языках. Поскольку лингвистической глобалистикой давно установлено, что диалог культур на рубеже XX и XXI вв. развивается под знаком глобализации «западной» культуры и что инструментом ее распространения является английский язык, понятие «глобальный язык» сегодня неоспоримо связано именно с английским. При характеристике понятия «глобально значимый язык» необходимо учитывать, что оно де-факто соотносимо в родовидовом аспекте с понятием «язык международного общения», но не совпадает с понятием «наиболее распространенный язык», которым традиционно оперирует интерлингвистика.

К числу наиболее распространенных языков современного мира, по данным ЮНЕСКО, относятся (в порядке убывания количества носителей языка) китайский, испанский, английский, хинди, бенгали, португальский, русский, японский, немецкий и французский языки. Как видим, глобальный язык всего лишь третий в этом своеобразном рейтинге. Однако в основных сферах современной межкультурной коммуникации (экономика, политика, наука, спорт и др.) он доминирует. По-настоящему глобальной межкультурная коммуникация стала лишь в эпоху Интернета, ставшего и инструментом, и посредником, и пространством, и объектом, и, возможно, даже субъектом коммуникации.